

ПОЛТАВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

1869 года. № 17. Сентября 1.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ УСПЕНІЯ БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

Жизни присносущныя и лучшія, смерть твоя бысть прехожденіе, чистая, отъ привременныя къ Божественнѣй воистинну и непреходимѣй, преставаля ты чистая въ веселіи Сына зрѣти твоего и Господа 4 пѣс. 2 ст. кан. Успен. Богор.

Не сѣтуемъ ли мы, при воспоминаніи кончины друга нашего, или благодѣтели? Отъ чего же радуемся въ настоящій день, вспоминая кончину Матери Божіей, а

по Христѣ матери нашей? Отъ того, что благодатная Дѣва уснула тихимъ сномъ, и скоро востала для вѣчной жизни. По свѣтоносному изображенію св. церкви, кончина Божіей Матери представляется не смертію, сопровождающеюся обыкновенно разрушеніемъ естества нашего, но нетлѣннымъ прохожденіемъ отъ земли на небо, по душѣ и тѣлу, торжественнымъ возшествіемъ въ царство славы къ Божественному Сыну. Пречистая, какъ не причастная никакого грѣховнаго тлѣнія, и въ самой смерти не видѣла тлѣнія, а потому душою и тѣломъ нетлѣнно прешла къ вѣчному животу. Смерть пречистая была сладкій трехдневный сонъ, блаженное усненіе.

Дивное зрѣлище представляетъ духовному взору усненіе Богоматери! Чудесно всѣ Апостолы Христовы, кромѣ Ѳомы, прибыли, изъ разныхъ странъ міра, на облакахъ, къ смертоносному одру Ея; самъ Господь сошедши съ небесъ, со множествомъ Ангеловъ, приѣмлетъ въ свои Божественныя руки пресвятую душу преблагословенной Матери Своей и возноситъ съ Собою на небо; Апостолы съ молитвами, пѣснопѣвіями и поклоненіемъ погребли Богопріятное тѣло Матери Господа въ Геосиманской вѣси, и не отступаютъ отъ сего мѣста, привязанные любовію къ Матери Свѣта. Черезъ три дня, св. Апостолы рѣшились открыть гробъ Богоневѣсты въ утѣшеніе Ѳомы, который скорбѣлъ, что не сподобился видѣть усненіе Пречистой, и поклониться святому и блаженному тѣлу Ея, и раскрывъ, не нашли въ немъ пречистаго тѣла Ея, а однѣ только погребальныя пелены. Въ недоумѣніи и скорби, когда они въ тотъ день, вечеромъ, сѣли за трапезу, внезапно явилась имъ Матерь Божія на воздухѣ, осіяваемая неизреченною славою, и изрекла сладостное обѣщаніе: радуйтесь, я пребуду съ вами во вся дни! Такъ созрѣла Она на землѣ для не-

ба, что и тѣла Ея немогла удержать земля до всеобщаго воскресенія. Какъ самъ Спаситель нашъ воскресъ въ третій день, и вознесся съ пречистою плотію своею на небо: такъ и Матерь свою Боголѣпно воздвигъ изъ гроба, и чрезъ три дня, по представленіи Ея, и вмѣстѣ съ тѣломъ воспріялъ въ небесныя селенія, для соцарствованія (съ Собою, конца не имущему). Когда смерть Пречистыя есть прехожденіе къ жизни приносущей и лучшей, то въ привременныя къ Божественнѣйшей воистину и непреходимѣй, то потому кончина Ея, исполненная толикихъ чудесъ, празднуется съ особеннымъ торжествомъ. Благозаменить праздникъ блаженнаго Успенія Бого-Матери; знаменитѣйшіе храмы посвящаются въ честь и славу Успенія Ея, и украшаются, какъ вѣнцемъ, этимъ безсмертнымъ именемъ. Сколько отрадно, что блаженное Успеніе Матери Господней обращаетъ смерть и гробъ, которые были виною страха и отчаянія человѣческаго, въ источникъ надежды и безсмертія! Когда пресвятая Матерь уснула тихимъ сномъ и скоро востала для вѣчной жизни: то не вѣрное ли это предозображеніе того, что и наши тѣла, которыя одного съ нею естества, не останутся для вѣчнаго истлѣнія во глубинѣ земли, то но, а въ свое время, воздвигнуты будутъ словомъ одного и тогоже Всесильнаго для другой безсмертной, вѣчной, блаженнѣйшей жизни? При воспоминаніи безсмертнаго Успенія Божіей Матери, посвятимъ нѣсколько минутъ на размышленіе о сладостнѣйшей надеждѣ будущаго нашего воскресенія и блаженной вѣчности.

И святая вѣра, и собственный разумъ нашъ, даже сама внѣшняя природа убѣждаютъ насъ, что за гробомъ есть другая лучшая жизнь. Ко всѣмъ приходитъ смерть. Она не падитъ ни младенца, ни

цвѣтущей юности, ни зрѣлаго мужества, ни почтенной сѣдинами старости; и насъ, въ свою чреду, положить во гробъ. Хотя смерть обращаетъ тѣла наши во прахъ, но онѣ, нѣкогда соединившись съ душами, возстанутъ для новой жизни. Аминь глаголю вамъ, яко грядетъ часъ, и нынѣ есть, егда мертвые услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ. *) Когда обращаемъ взоръ свой на ежедневныя жертвы смерти, на тлѣнность и разрушаемость всего, недоумѣваемъ: какъ прійдемъ мы въ животъ, въ состояніе совершеннѣйшее? Образъ будущаго возрожденія тѣлъ нашихъ не представляетъ ли предъ глазами нашими видимая природа? Не видимъ ли: какъ солнце, изливая животворную теплоту свою, оживляетъ всѣ растенія, умершія отъ зимняго хлада? Подобно тому и солнце Божественной любви исполнить нѣкогда великое чудо надъ тѣлами нашими, преданными рукою смерти тлѣнію. Могилы умершихъ суть ничто иное, какъ нивы Божія, куда повергаются тѣла наши какъ сѣмена, изъ которыхъ, недовѣдомымъ для насъ образомъ, произрастетъ нѣкогда новое, безсмертное тѣло, подобно тому какъ изъ малаго, истлѣвшаго сѣмени дивно возникаетъ красивый колосъ. Безуміемъ назвалъ Апостоль сомнѣніе въ воскресеніи мертвыхъ. **) Безразсудный! то, что ты сѣешь, не оживетъ, если не умреть; и когда ты сѣешь, то сѣешь не тѣло будущее, а голое зерно, безъ корня, безъ стебля, безъ листья, безъ цвѣта, безъ плода: но Богъ даетъ ему тѣло, какъ хочетъ, и каждому сѣмени свое тѣло. Наступитъ день, когда и сіе тлѣнное тѣло наше облечетъ не тлѣннѣе, и мертвенное сіе пожертво будетъ животоу.

*) Іоан. 5, 25.

**) Коринѣ. 15, 58.

Придетъ часъ, когда и мы, послѣ смерти своей, при звукѣ трубы Архангельской, оживемъ и востанемъ въ тѣлѣ безсмертномъ. Уже ли, въ самомъ дѣлѣ, тѣла наши не востанутъ изъ гроба, когда онѣ имѣли таинственную и живую связь съ тѣломъ Христа Спасителя погребеннымъ и прославленнымъ? Слабо, немощно тѣло наше, но оно есть храмъ Духа Божія. Можно ли думать, чтобы храмъ Божій погибъ? Плоть и кровь царствія Божія наследити не могутъ; въ воскресеніе ни женятся, ни посягаютъ, но яко Ангелы на небеси суть. *) Для сего—то тѣло наше рукою смерти сѣется въ тлѣніе, встаетъ въ нетлѣннѣи, сѣется не въ честь востанетъ въ славу; сѣется въ немощи, встанетъ въ силѣ; сѣется тѣло душевное, встанетъ тѣло духовное. Нужно, говорить св. Іоаннъ Дамаскинъ, чтобы тѣло чрезъ смерть, какъ бы чрезъ огонь въ горнилѣ, подобно золоту, очистившись отъ всего мрачнаго и грубой тлѣности брени, встало изъ гроба нетлѣннымъ, чистымъ и озареннымъ свѣтомъ безсмертія. **) Для того встанутъ мертвые, говорить Апостолъ, да приметъ каждый, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла. Тѣла наши, во гробахъ согнившія и въ прахъ разсыпавшіяся, встанутъ и укажутся всему небу, предъ очами Ангеловъ и чловѣковъ, однія яко пшеница, другія яко плевелы, ожидая серповъ Ангельскихъ, и того мѣста, которое назначено, особо для пшеницы, и особо для плевель. Одни будутъ соцарствовать со Христомъ и съ Нимъ блаженствовать, какъ Ангелы Божіи. ***) Другіе будутъ преданы вѣчнымъ мученіямъ, вмѣстѣ съ діаволами. Какъ это возжелѣнно для вѣрныхъ рабовъ Господнихъ, и какъ

*) 1 Кор. 15, 50.

**) 2 Кор. 5, 10.

***) 3 Петр. 2, 4.

Это страшно для неверных! Кто любит Бога и исполняет Его законъ, тотъ не страшится смерти; мы не смерти должны страшиться, а только грѣховъ своихъ; смерть люта для однихъ нераскаянныхъ грѣшниковъ.

Но вотъ убѣжденіе вѣры, гораздо сильнѣйшее, не преоборимое. Спаситель съ небесъ пришелъ на землю взбавить смертныхъ, что послѣ земной, временной жизни ожидаетъ ихъ отечество небесное, вѣчное. Пришествіе на землю во плоти Сына Божія, Иисуса Христа, есть уже не сомнѣнная порука за существованіе для насъ жизни, по ту сторону гроба. Божественныя наставленія и слова Его все исполнены надежды лучшаго бытія за предѣлами земли. Онъ собственнымъ примѣромъ благоволилъ показать, что смерть и гробъ властны только надъ нашими бренными тѣлами, а не надъ духомъ безсмертнымъ и богоподобнымъ. Смертію своею Спаситель истощилъ до основанія владычество смерти. Самъ Господь прошелъ мрачнымъ путемъ смерти, чтобы въ воскресеніи Своемъ возсіять начало новой, нескончаемой жизни; съ воскресеніемъ Его безсмертіе, жизнь вѣчная, блаженство небесное, все сдѣлалось яснымъ, понятнымъ и не сомнительнымъ. Искупитель показалъ намъ преславное воскресеніе свое, дабы увѣрить насъ въ другой совершеннѣйшей жизни. Примѣръ воскресенія Христова самою крѣпкою печатію запечатлѣваетъ вѣру нашу въ безсмертіе и жизнь вѣчную. На сіе бо Христосъ умре и воскресе, да и мертвыми и живыми обладаетъ, съ тѣмъ и восталъ Онъ изъ мертвыхъ, чтобы быть владыкою и живыхъ и мертвыхъ. Восресеніе Иисуса Христа есть образъ нашего воскресенія, Онъ содѣлался первенцемъ изъ умершихъ, *) и умершихъ во Иисусѣ Богъ приве-

*) 1 Кор. 15, 20.

детъ съ нимъ въ вѣчной жизни. *) Востаніе Спасителя ясно указываетъ намъ на новую жизнь нашу послѣ тлѣнія. Живая вѣра въ Господа Іисуса, побѣдителя грѣха и смерти, смотритъ на смерть, какъ на краткій сонъ въ вѣдрахъ земли, какъ на дверь въ чертоги Отца небеснаго. Сколь не сомнѣнно воскресеніе Спасителя, столько же не сомнѣнно и наше будущее воскресеніе. **) Аще воскресенія мертвыхъ нѣсть, то ни Христосъ воста? Съ пречистою своею плотію Спаситель вознеси на небо, чтобы уготовать мѣсто намъ, да идѣже Онъ тамо и слуги Его будутъ. ***) Послѣ воскресенія Христова, какъ очевидно, сила жизни превосходитъ силу смерти! Многіе и во гробахъ сіиютъ славою будущаго вѣка. Что значитъ нетлѣніе Святыхъ, какъ не начало всеобщаго воскресенія? Святые по смерти своей, какъ давно уже оставили землю, совершаютъ предъ глазами тысячей великія чудеса: къ убитымъ ихъ тѣламъ приходятъ больные живущіе, — и исцѣляются; приходятъ клятвоприступники, и мучатся отъ діавола; приходятъ бѣсноватые и освобождаются. Эти — то дѣла показываютъ, что они живутъ за предѣлами тлѣнія, и увѣряютъ равно въ жизни насъ и по ту сторону гроба. Ужели бы св. мученики предали тѣло свое на смерть, еслибъ имъ рѣшительно не было извѣстно, что есть жизнь, ради которой должно умереть? И такъ, да не возмущается сердце наше отъ воображенія неизбежной смерти; утѣшимся сладостною надеждою воскресенія и будущей жизни. Какая сладкая это надежда! Лучъ таковой надежды болѣе свѣтоносный и сладкій для человѣка, чѣмъ самый лучъ солнца. О какъ безотрадны мы были бы, если бы не

*) Сол. 4, 14.

**) 1. Кор. 15, 13.

***) Іоан. 14, 2.

имѣли лучшаго упованія, кромѣ сей земли; лучшей жизни, кромѣ временной, лучшаго конца, кромѣ гроба и истлѣнія?

Если бы не было другой жизни, кромѣ земной, тогда человѣкъ, лишенный и настоящихъ благъ, и не имѣющій упованія на будущія, былъ бы самое жалкое твореніе. Если бы гробъ не возрастно въ себѣ заключилъ насъ, еслибы долею бытія нашего были только тлѣніе и прахъ; то добродѣтельные были бы несчастнѣе всѣхъ; тогда жребій праведныхъ былъ бы оставленъ для жезла грѣшныхъ. Въ мірѣ этомъ нерѣдко случается видѣть, какъ бѣдствуетъ невинный, и роскошествуетъ напротивъ преступникъ. Вообще исторія полна примѣромъ счастливыхъ пороковъ и несчастныхъ добродѣтелей. Ужели Овъ правосудный оставитъ насъ безъ должной награды и наказанія, не получаемыхъ вполнѣ въ этой жизни? И мы, по природѣ злые, если бы были облечены достаточною властію, наградили бы добродѣтельнаго человѣка. Такъ какъ добродѣтель не награждается здѣсь вполнѣ, и порокъ не наказывается достойно: то должна же быть другая жизнь, гдѣ всякому было бы воздано по дѣламъ его. Пусть обидѣя обидитъ еще, и скверный пусть сквернится еще: но плевелы будутъ расти не далѣе жатвы. Мы убѣждены въ той истинѣ, что свѣтъ, если не здѣсь, то тамъ; если не на землѣ, то на небѣ; если не вовремя, то въ вѣчности, одержитъ побѣду надъ тьмою; что правда должна явиться нѣкогда правдою, что добродѣтель когда—либо восторжествуетъ. Если и страдаетъ здѣсь праведникъ тогда, какъ не праведные преуспѣваютъ въ предпріятіяхъ своихъ, не смущайтесь этимъ, не завидуйте творящимъ беззаконіе, когда не здѣсь, то тамъ придетъ къ нимъ доля ихъ. Правосудіе должно совершиться! Полное мздовозданіе

принадлежить единственно будущей жизни. Жизнь есть время сѣянiя, а жатва за гробомъ. *) Да не унываемъ дѣлая добро, говоритъ намъ Апостоль Божiй, ибо въ свое время пожнемъ, если не ослабѣемъ.

Не скорби же, христiанинъ, что будто напрасно понесены тобою здѣсь труды благочестiя? Нѣтъ! не напрасно терпѣлъ ты здѣсь скорби и гоненiя; не напрасно боролся ты день и ночь со страстями испорченнаго сердца. Все твое сторицею будетъ тебѣ отдано, къ твоей радости въ вѣчности. Скорби и страданiя только умножаютъ будущее твое блаженство.

Хотя бы мы никогда не умирали, и въ такомъ разѣ можно искать другой жизни. Развѣ можно быть довольнымъ настоящею жизнiю, въ которой мучать насъ то бѣды и напасти; то скорби и печали; то алчба и жажда; то зной и мразь? Еще бы бѣднѣйшею показалась настоящая жизнь, если бы она конца не имѣла. Какое бы тогда имѣли утѣшенiе слѣпыя, гонимыя, страждущiе? **) Одинъ учитель св. церкви говоритъ: толикихъ наполнена есть жизнь сiя золь, что вравненiи ея смерть не казнь, но облегченiе мнится быти и видется, что для того сдѣлалъ нарочно Богъ кратку жизнь сiю, чтобы печали ея, когда не могутъ благополучiемъ, краткостiю времени прекращалися. И что значать всѣ блага и удовольствiя временной жизни? Суета! суета! всяческая суета! Все земное наскучиваетъ, все возбуждаетъ жажду лучшаго, высшаго бытiя. Если бы настоящая жизнь не прерывалась смертiю, значить жизнь порочная была бы безъ конца. Страшно же представить себѣ жизнь порочную безъ конца? Горька земная жизнь; однимъ

*) Гал. 6, 9.

**) Св. Амвр.

изъ сладкихъ утѣшеній страннику земли служить надежда на покой въ вѣчности. Увѣренность въ будущей жизни даетъ намъ собственный разумъ. Мы чувствуемъ высокое достоинство нашей природы; пріяли дыханіе жизни отъ непосредственнаго дыханія устъ творческихъ; организмъ челоука лучшей цѣлаго міра; въ отношеніи къ міру челоукъ властелинъ его. Разумно-правственное превосходство наше предъ всѣми тварями на землѣ, ясно доказываетъ высокую цѣль для насъ и назначеніе. Можно ли допустить, чтобы святая премудрость творца міровъ создала насъ съ толь превосходнѣйшими силами только пакраткія мгновенія жизни? Назначеніе наше—небо; средства достигнуть его—добрыя дѣла! Челоукъ существо ограниченное, но желанія и надежды его неограниченны. Надежда, которою живемъ мы болѣе въ будущемъ, и уповаемъ, когда, повидимому, всѣ упованія исчезаютъ для насъ, не есть ли гласъ Божій въ душахъ нашихъ, что мы будемъ жить и за гробомъ нашимъ? Желанія, ничѣмъ на землѣ пенасыщаемыя, не суть ли предчувствіе того блаженства, которое ожидаетъ насъ въ селеніяхъ праведныхъ, во дворѣхъ Бога нашего? Совѣсть, безъ свидѣтелей обличающая порокъ, и награждающая добродѣтель, сокрытую отъ всѣхъ, не есть ли провозвѣстница и предтеча вѣчныхъ наградъ нашихъ? Самая молитва наша не есть ли прозрѣніе въ тотъ міръ? Не есть ли она мгновенное возвращеніе души изъ страны пришельствія въ отечество?

Когда ты христіанинъ въ душѣ: то для тебя не возможно сомнѣніе въ воскресеніи мертвыхъ и жизни будущей. Но съ полнымъ ли вниманіемъ помышляемъ мы о будущей жизни. Употребляемъ ли мы не седьмую, а сотую долю жизни нашей на приготовленіе къ вѣчно-

сти? Суеты мірскія не даютъ намъ времени ревностно заняться вѣчною судьбою своею. Едва ли у насъ и есть время подумать о небѣ, о вѣчности, и готовиться къ ней? Мы принимаемъ на себя тысячи заботъ о суетномъ, минутномъ, ничтожномъ, а о вѣчномъ благѣ не радимъ; заботу о немъ оставляемъ въ небреженіи. Цѣлая вѣчность блаженства неизобразимаго уготована для насъ Богомъ: но большая часть изъ насъ хотятъ безъ труда достать блаженную вѣчность, хотя сами и для полученія благъ временныхъ трудятся во всю жизнь. Вѣримъ, что настоящая жизнь есть только приготовленіе къ будущей вѣчной жизни, что послѣ смерти, ожидаетъ насъ судъ и воздаяніе, а между тѣмъ не страшимся дѣлать зло, и не помышляемъ о днѣ судномъ! привязываемся къ земному такъ, какъ бы намъ никогда съ нимъ не разставаться! Говорить многіе: ожидаемъ суди, имѣющаго прійти судити живымъ и мертвымъ, каждому воздать по дѣламъ, а между тѣмъ предаются беззаконіямъ такъ, какъ бы имъ за то никогда не быть судимымъ! Говорять, что чаемъ воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка, а между тѣмъ не брегуть о душѣ своей, какъ бы она имѣла съ тѣломъ погибнуть, живутъ такъ, какъ будтобы небыло другой жизни! Мало мы каемся въ грѣхахъ своихъ, нисколько не приготовились къ грядущему суду. Въ забвеніи нашемъ о вѣчности не обличаютъ ли насъ: наше немилосердіе къ бѣднымъ, взаимныя раздоры, бессмертное, такъ сказать, злопомнѣніе, наша гордость, наше пристрастіе къ благамъ и удовольствіямъ міра сего, и неправда во всѣхъ поступкахъ нашихъ? Помышленіе о вѣчности, о небѣ, многіе отлагаютъ до старости, какъ будто старость и дала намъ слово посѣтить насъ? Богъ обѣщалъ тебѣ, грѣшникъ, что когда обратишься, не будетъ вспомо-

нать грѣховъ твоихъ, но что доживешь ты даже до завтрашняго дня, этого, въ св. писаніи, никогда не обѣщаль. Надобно, други мои, какъ можно чаще обращаться къ спасительной мысли о вѣчности, и какъ можно тверже держать вѣчность въ мысли, чаще станемъ представлять смерть и страшный судъ Божій. Чѣмъ тверже вѣра въ жизнь будущую: тѣмъ спокойнѣе протекаетъ настоящая жизнь; только этою вѣрою поддерживается и укрѣпляется истинная добродѣтель; она есть главнѣйшій изъ способовъ, коимъ можно обуздывать страсти, и пресѣкать пути порока.

Есть однакожъ блаженныя души, кои по вѣрѣ знаютъ, что есть иная жизнь, а по дѣламъ любятъ ее. Есть избранныя Божіи, кои при богатствѣ и изобиліи на землѣ, болѣе пекутся о некрадомомъ богатствѣ на небеси, — на верху почестей помышляютъ непрестанно о почести званія вышняго, при блескѣ славы ищутъ паче славы Божіей, нежели человѣческой. Но сколь рѣдки таковыя сердца!

Страшно грѣшнику смотрѣть на вѣчность! Никакія страданія земныя не могутъ значить что нибудь въ сравненіи съ мученіями будущаго вѣка. Отъ этого страха жизнь загробная нечестивыми не только забывается, но осмѣивается и отвергается, какъ мечта. Наглое нечестіе обольщается ложною мечтою, что нѣтъ за гробомъ жизни, что суда и воздаянія никогда небудетъ. Уничтожимъ, говорятъ нечестивые, судъ за гробомъ, и мы будемъ имѣть миръ. Не тревожьтесь, ободряютъ они другъ друга, страхъ ада есть вымысль людей суевѣрныхъ. Но тайный трепеть въ сердцахъ ихъ не опровергаетъ ли таковой ложной мысли? Жалкіе люди! Не думая объ адѣ, они приближаются къ аду беззаботно. Достойно ли назвать человѣкомъ того, кто живетъ безъ

добродѣтели, безъ надеждъ небесныхъ, безъ упованія безсмертія?

Возлюбленные! подорожимъ вѣчною участію своею. Часъ кончины близокъ уже для нѣкоторыхъ изъ насъ! Господь речеть и мы въ вѣчности! Поспѣшимъ исправить что можно, пока идетъ еще время труда.*) Тѣмъ же убо, дондеже время имамы, да дѣлаемъ благое ко всѣмъ. И къ добрымъ дѣламъ попечемся прибавить что нибудь: духъ смиренія, кротости, милосердія, терпѣнія. О, даль бы намъ Богъ всѣмъ окончить земный путь свой въ вѣрѣ и благочестіи, и въ будущей жизни содѣлаться наслѣдниками вѣчныхъ благъ. Твоими, пречистая, святыми, Богопріятными молитвами уповаемъ дойти небесныя безконечныя жизни, и непостыдно стати въ день судный одесную Сына твоего и Бога нашего, славяще его купно со безначальнымъ Отцемъ, и пресвятымъ, благимъ, животворящимъ и единосущнымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ.**) Аминь.

Протоіерей Даниль *Бутовскій*.

РЪЧЬ

Архимандрита Хрисанфа, ректора С.-Петербургской Духовной Семинаріи, сказанная 28 Іюля къ воспитанникамъ по окончаніи перваго учебнаго года послѣ преобразованія семинаріи.

«Отнынѣ окончаніе каждаго учебнаго года будетъ заключеннымъ моментомъ въ исторіи нашего заведенія»

*) Галат. 4, 10.

**) Молит. Успен. Богом. *бутовскій*

довольно важнымъ моментомъ въ жизни многихъ изъ васъ....

Старшіе между вами—въ настоящія минуты въ послѣдній уже разъ предстоятъ здѣсь въ качествѣ воспитанниковъ школы, приносятъ послѣднюю молитву въ томъ храмѣ, предъ свитынею котораго молились такъ долго и такъ часто....

Васъ, выходящихъ изъ этого заведенія, ожидаетъ первый рѣшительный шагъ въ вашей еще молодой жизни,— и я увѣренъ, что ваша мысль въ настоящія минуты всецѣло устремлена въ ваше будущее съ вопросами, ожиданіями, недоумѣніями относительно этого будущаго, всегда тревожнаго по своей не опредѣленности, а нынѣ, въ переходную эпоху нашей жизни, особенно тревожнаго.

Минутъ тѣхъ немногихъ, которые оставлятъ нашу школу затѣмъ, чтобы продолжить и закончить начатое въ ней образованіе въ одномъ изъ центровъ русской богословской науки,—такъ близкомъ къ намъ и пространствомъ, и отчасти внутреннимъ бытомъ *), я обращаюсь прежде всего къ тѣмъ изъ васъ, которые уже закончили здѣсь свое научное развитіе и изъ школы прямо должны перейти въ жизнь—на то великое служеніе, для котораго и устроено собственно наше учебное заведеніе.

Но... не о величій этого служенія я хотѣлъ бы говорить съ вами въ эти послѣднія минуты вашего пребыванія среди насъ. И о величій пастырскаго служенія, равно какъ и томъ, въ чемъ должно состоять оно, вы уже слышали, слышали много,—и трудно передать въ короткой бесѣдѣ то, что служило содержаніемъ цѣлой науки, и притомъ не одной науки. Если бы, впрочемъ

*) Разумѣется с.-петербургская духовная академія.

мнѣ нужно было въ послѣднія минуты вашей жизни среди насъ вкратчѣ напомнить вамъ о томъ, что было предметомъ науки о папствѣ, священствѣ, я сказалъ бы вамъ слѣдующее немногое: вы должны быть для остальнаго общества представителями высшихъ, идеальныхъ началъ человѣческой жизни, т. е. того, что не даетъ человѣческой мысли затеряться среди дробныхъ явленій матеріи, того, что единственно препятствуетъ человѣческому эгоизму обратити жизнь человѣческихъ обществъ въ одну чисто животную «борьбу за существованіе», что единственно благородитъ эту жизнь мыслию о небѣ, о томъ, что есть нѣчто высшее обычныхъ земныхъ, эгоистическихъ, меркантильныхъ расчетовъ, того, безъ чего наша жизнь сдѣлалась бы безплоднымъ и безцѣльнымъ процессомъ, за которымъ одно ничтожество, того, наконецъ, безъ чего не только умерли бы всѣ такъ называемые нравственно-соціальныя интересы, но и едва ли бы уцѣлѣла сама наука... Вотъ ваше великое призваніе въ мірѣ. Я, пожалуй, могъ бы сократить это еще болѣе, и сказать только вотъ что: вы должны быть среди общества представителями духа любви. Да! любви, потому что выснія начала жизни и проявляются въ дѣйствительности, какъ и нравственная любовь къ человѣку, — та любовь, что не можетъ не скорбѣть о человѣческомъ невѣжествѣ, о человѣческой испорченности, та любовь, что готова саму себя отдать на жертву ради высшихъ цѣлей человѣческой жизни. Да! Священникъ это — сердце общины, это ея другъ-утѣшитель. Я прибавилъ бы къ этому въ заключеніе, что такой любви отъ васъ давно уже ждетъ нашъ бѣдный, темный, неразвитый народъ, который, отягченный бременемъ рабства и матеріальныхъ лишеній, донынѣ еще сознательно и свободно не поднималъ головы своей къ небу...

Но повторяю—не объ этомъ ся хотѣлъ бы говорить съ вами, потому что не объ этомъ, но всей вѣроотно- сти, сами вы думаете теперь. Я боюсь, чтобы вы не возразили мнѣ: къ чему рѣчь о папствѣ, священствѣ, когда это священство теперь еще далеко отъ насъ, когда до него нужно пройти еще низшій степень служенія, и когда неизвѣстно еще, достигнемъ ли мы священства.

Неудивительно, что новая реформа быта духовенства можетъ породить и порождаетъ различнаго рода недоразумѣнїи. Но причина этихъ недоразумѣнїи главнымъ образомъ въ томъ, что это ново, что этого прежде не было.... Все новое, хотя бы и лучшее прежняго, стараго, все, нами неиспытанное, дѣйствуетъ на насъ сначала не иначе, какъ такъ...

Священство дается не вдругъ и непосредственно послѣ того, какъ вы оставите школу. Но не затѣмъ ли это, чтобы возвысить до нынѣ униженный санъ этого священства, чтобы положить конецъ тому печальному матеріальному положенію русскаго духовенства, каковаго отъ начала христіанской исторїи не знала ни одна христіанская страна? Не затѣмъ ли это, чтобы русскій священникъ пересталъ быть простымъ совершителемъ требъ для народа, который смотрѣлъ на нихъ иногда, какъ на какую то непонятную для него необходимость, какъ на тяжелую повинность, и платилъ за нихъ часто съ ропотомъ, неудовольствїемъ? Не затѣмъ ли это, чтобы русскій священникъ пересталъ мыслиться, какъ какой то чиновникъ, который поставленъ у народа лишь затѣмъ чтобы слѣдить за важнѣйшими актами въ жизни гражданина, — рожденїемъ, смертію, — и выдавать о томъ свидѣтельства, не болѣе? Не затѣмъ ли это, наконецъ, чтобы прекратить то по истинѣ жалкое матеріальное по

ложеіе священника, которое часто приравнивало его къ быту простаго поденщика, которое приковывало его мысль и чувство къ землѣ, къ вопросу о кускѣ хлѣба, отвлекающая отъ высшихъ интересовъ его служенія? Да! Русское духовенство, взятое въ массѣ донынѣ еще, кажется, и не подозрѣвало въ себѣ того могущества, которое скрыто въ немъ, той нравственной власти надъ народомъ, которая гораздо выше всѣхъ вѣдшихъ чиновъ и отличій, донынѣ не начинало еще, кажется, дѣйствовать на народъ этимъ для него непривычнымъ внутреннимъ способомъ нравственнаго владычества... И неужели нужно желать, чтобы продолжался этотъ порядокъ вещей, чтобы продолжалась инерція этой нравственной силы, нѣкогда дѣйствовавшей, а затѣмъ парализованной подъ вліяніемъ многихъ и различныхъ историческихъ обстоятельствъ? А новый бытъ духовенства, требуя практической подготовки къ пастырскому служенію и обставляя довольствомъ его матеріальное положеніе, и имѣеть въ виду вызвать эту нормальную пастырскую дѣятельность...

Путь этого приготовленія къ священству лежитъ чрезъ низшую ступень служенія, теперь такъ не почетную, тяжелую. Но изъ того, что такъ было донынѣ, неслѣдуетъ, что такъ будетъ и такъ должно быть. Возврънія на службу измѣняются вмѣстѣ съ переменною лицъ занимающихъ извѣстную должность, и съ переменною обязанностей и значенія, соединенныхъ съ этою должностію. Въ другихъ христіанскихъ странахъ эти обязанности клирика исполняются лицами высшаго богословскаго образованія, съ высшими учеными степенями, и никто не думаетъ видѣть въ этомъ униженія ихъ достоинства. Я не говорю уже о томъ, что такъ было и въ древней церкви, что великіе отцы церкви начинали свое служеніе съ тѣхъ же высшихъ степеней. Но, что всего главнѣе, съ этимъ высшимъ служеніемъ связана часть уже чисто пастырскаго служенія, — учительство народа, то учительство, въ которомъ такъ нуждается наша громадная страна... Вы напрасно думаете, если думаете, что кто нибудь вполне замѣнитъ васъ для народа въ этомъ дѣлѣ учительства. Некому замѣнить васъ вполне въ нашей необъятной странѣ, такъ нуждающейся въ людяхъ... И такъ вы — начало для дѣйствій той силы, которая дол-

жна пробудить отъ сна спящую мысль могучаго народа. Да! То могущество нашей необъятной страны, которое ожидается въ будущемъ, и которое неминуемо отзовется движеніемъ на цѣлой, быть можетъ, мировой исторіи, должно начаться съ тѣхъ сель, деревень, лѣсныхъ «починковъ», въ которыхъ живетъ теперь нашъ нынѣшній темный человѣкъ, пока ничѣмъ себя не заявляющій... Здѣсь, въ этихъ лѣсахъ и дѣбряхъ, скрыта сила, которая должна преобразить лице русской земли. Вы первые цивилизаторы этого многомилліоннаго народа... Вы дѣятели не для церкви только, но и для государства—и притомъ дѣятели, стоящіе въ самой основѣ государственной жизни. Участъ даже завидная въ сѣ нравственной точки зрѣнія, приготовленіе къ пастырству, въполнѣ достойное того значенія, къ которому призывается священникъ, какъ душа общины, какъ ея нравственная власть и сила...

Да будетъ же миренъ исходъ вашъ въ жизнь, и да несмущается сердце ваше... Вѣрьте, есть Невидимый Правитель церкви, который, конечно, ко благу направляетъ дальнѣйшія судьбы ея...

Другіе изъ васъ оставятъ нашу среду затѣмъ, чтобы, вмѣсто богословской специальности, посвятить себя занятіямъ въ другихъ родахъ знанія, — изученію человѣка въ его фізіологической сторонѣ, изученію видимой природы и т. п. Наши заведенія искони, со времени учрежденія въ Россіи высшихъ специальныхъ школъ, отдавали изъ себя дѣятелей для всѣхъ сферъ знанія и жизни, служа источникомъ силъ свѣжихъ, разумныхъ. Наши заведенія никогда не знали той узкой обособленности въ своемъ устройствѣ, какая существовала и существуетъ на западѣ въ церковныхъ школахъ. Быть нашихъ духовно-учебныхъ учреждений, служившихъ оцѣлямъ нецерковнымъ только, но и общественнымъ, служилъ нагляднымъ выраженіемъ того широкаго воззрѣнія нашей церкви, по которому нѣтъ раздѣленія между религіею и наукою, между обществомъ и церковію, а той высокой, истинной христіанской идеи, что всякое научное занятіе — изученіе ли духа съ его таинственными проявленіями, или мертвой матеріи съ ея механическими законами, одинаково есть въ извѣстномъ смыслѣ служеніе въ Богу, и Богу разумомъ, Богу истины. Новый бытъ нашихъ заведеній

не измѣнилъ этого порядка вещей. Такъ было, такъ и будетъ. И, какъ бы ни прискорбно было, что, въ силу этого, насъ оставляютъ иногда наши лучшія силы, сѣтовать на это мы не можемъ. Мы папутствуемъ исходъ ихъ своими благожеланіями и предлагаемъ одинъ совѣтъ — не забывать среди занятій въ другихъ родахъ знанія и жизни о томъ, во имя чего здѣсь у насъ соединяются будущіе дѣятели всѣхъ родовъ жизни, что дѣйствительно есть источникъ силы всей и всякой человѣческой жизни, что одинаково нужно и медику, и юристу, и натуралисту, что есть единственная цивилизующая міръ сила. Има этой силѣ: евангельская истина, евангельская любовь...

Еще другія оставляютъ нашу школу невольно во преки своимъ желаніямъ и ожиданіямъ. Къ счастью, такихъ немного. Говорю, къ счастью, потому что невольный выходъ изъ школы воспитанниковъ школы есть несчастье — если не для нихъ самихъ, то для самой школы. Школа существуетъ затѣмъ, чтобы всѣ успѣвали, и есть страны, гдѣ хорошо организованныя школы почти не знаютъ того, что такое неуспѣвающій, неисправимый воспитанникъ. Къ этому стремится и нашъ новый уставъ, усиливая педагогическій надзоръ за успѣхами, и облегчая и осмысляя педагогическіе приемы. И въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что вмѣстѣ съ временемъ и мы избавимся отъ этой печальной необходимости произносить «отлученія» отъ школы; нѣтъ сомнѣнія, что съ каждымъ годомъ этихъ отлученныхъ будетъ меньше и меньше. Нынѣшнее явленіе этого отлученія есть еще результатъ стараго порядка вещей. Правда, подобное утѣшеніе въ будущемъ не можетъ имѣть никакого значенія для тѣхъ, кто въ настоящую минуту испытываетъ эту печальную участь. Я не думаю утѣшать ихъ, хотя могъ бы сказать многое въ ихъ утѣшеніе. Я могъ бы замѣтить, что собственно несчастья никакого нѣтъ въ этомъ невольномъ исходѣ изъ нашей школы. Всѣ вы еще слишкомъ молоды, чтобы отчаяваться въ своемъ будущемъ. Немного напряженныхъ усилій съ вашей стороны, — и участь ваша вдругъ измѣнится. Россія слишкомъ нуждается въ людяхъ, въ молодыхъ, свѣжихъ силахъ, чтобы вы не могли найти себѣ исхода въ жизни, исхода, быть можетъ, лучшаго, чѣмъ какой ожидалъ бы васъ при добровольномъ

оставленіи нашей школы. Мѣшаетъ этому только наша сословная косность и нажитая подъ вліяніемъ сословности инерція въ жизни... Подъ вліяніемъ кастовыхъ воззрѣній мы привыкли думать, что все кончено для насъ, какъ скоро разрывается связь съ нашею средою, что подъ ногами нашими открывается бездна, какъ скоро мы принуждены оставить наше сословное заведеніе. Бездны въ дѣйствительности никакой нѣтъ. Многое множество сферъ и родовъ жизни зоветъ насъ къ себѣ. Всюду открыты двери. Кромѣ избитой рутиной колеи, многое множество другихъ путей. Пора уже оставить эти фальшивые взгляды, пора перестать чуждаться другихъ сферъ, какъ будто не для насъ назначенныхъ, пора перестать смотрѣть и на наши заведенія, какъ на наше родовое достояніе, какъ на какія то благотворительныя сословныя учрежденія.

Всѣ вы, на конецъ, на время оставите стѣны школы съ ея монотоннымъ порядкомъ въ жизни, съ ея дисциплиною, съ этими звонками, призывающими васъ къ порядку. Школа отдаетъ васъ на время жизни, и хорошо дѣлаетъ. Нужно освѣжить ваши напряженныя силы притокомъ новыхъ свѣжихъ ощущеній, которыхъ не знаетъ и не можетъ знать ваша школьная жизнь. И вотъ вы воротитесь въ свои дома къ жизни семейной съ ея ласками и свободою, увидите родныя поля и дѣла, съ ихъ привольемъ. Хороша покажется вамъ эта жизнь послѣ работы надъ книгою, которая казалась вамъ иногда скучною, послѣ заключенія въ школѣ.

Но... знаете ли, что несете вы съ собою въ свои родные дома, въ свои родные дѣла и поля изъ этой школы, съ ея искусственно-созданною жизнію?.. Мысль просвѣщенную свѣтомъ вѣры, умышленное развитіе, чувство человеческого достоинства, — величайшія приобрѣтенія, безъ которыхъ ничтожна, бессмысленна жизнь, мертва природа съ ея красотами. Да! вы воротитесь теперь въ свои дома болѣе людьми, чѣмъ прежде, болѣе умными глазами будете смотрѣть на самую природу. Вотъ зачѣмъ нужны эти книги и эти порядки въ вашей школьной жизни. Жизнь хороша, но къ ней нужно приготовиться разумно; природа хороша, но когда мы понимаемъ ее, научаемся читать ея великую книгу, полную тайнъ, чудесъ. Возвращайтесь же изъ очага крова и изъ — подъ крова

матери природы съ новыми силами для новыхъ и новыхъ трудовъ..

А теперь еще разъ скажите хвалу нашему общему Небесному Отцу за все, что совершили вы въ теченіе протекшаго года, при Его невидимой благодатной помощи. Слава Ему—Зидителю и Охранителю нашей церкви!

(Вечер. газ.).

ВЪ С. ЧУТОВОМЪ (Полт. уѣзда.)

26 Мая 1867 года.

26-го Мая 1867 года долго будетъ памятно для жителей села Чутова, —удостоившихся въ этотъ день видѣть Его Императорское Высочество Великаго князя Алексія Александровича.

Быль теплый и прекрасный Майскій вечеръ, когда селяне наши, пріятно были встревожены, проѣздомъ чрезъ наше село—Великаго князя. Расположенное на столбовомъ тракту, с. Чутово, неразъ имѣло счастье видѣть, хотя мимолетный проѣздъ Высокихъ Царственныхныхъ Особъ, но на этотъ разъ важно было для насъ то, что Великій Князь, входилъ въ село пѣшкомъ, въ сопровожденіи своей немногочисленной свиты. Пріятность майскаго вечера, привлекательное мѣстоположеніе были причиною того, что Высокій путешественникъ, почти за двѣ версты до села, вышелъ изъ экипажа и шель по бульвару столбовой дороги, любуясь прекраснымъ ландшафтомъ, окружающей мѣстности.

При входѣ въ предмѣстье села, Его Высочество изволилъ осчастливить своимъ милостивымъ посѣщеніемъ, одну изъ крайнихъ крестьянскихъ избъ, —крестьянина К. К., въ семействѣ котораго есть калечка—безъ ногъ, удостоившаясь получить изъ рукъ Великаго Князя 1 р. сер., самъ же хозяинъ, награжденъ 3-мя р. сер. *) При

*) Его Высочество спрашивалъ хозяина о его хозяйствѣ, а также о его жизни-бытіи при новомъ состояніи и за толковыя отвѣты, велѣлъ одному изъ сопровождавшихъ Его Высочество, Особъ записать имя и фамилію хозяина въ памятную книжку.

чемъ Его Высочество изволили разсматривать внутренность избы и двора и вышелъ, сопровождаемый искреннимъ благожеланіемъ ошастливленнаго семейства.

Вѣсть отакомъ, необычайномъ путешествіи Великаго Князя, скоро разнеслась по всему селу и привлекла къ столбовой дорогѣ толпы любопытныхъ крестьянъ, спѣшившихъ одинъ, предъ другимъ, какъ можно ближе взглянуть на столь неожиданнаго Высокаго гостя. Несмотря однако на нѣкоторую суматоху, одинъ изъ нашихъ крестьянъ, вѣкто—Д. Ж., догадался встрѣтить Великаго Князя хлѣбомъ и солью, зачто Его Высочество, подарилъ смѣтливому Ж. 10 р. сер. *) Подходя къ мосту, на которомъ толпилось не мало народа, Великій Князь замѣтилъ тамъ же одного крестьянина съ лошадыю. «Это твоя лошадь?», кротко спросилъ Великій Князь Мой, Ваше Высочество, почтительно отвѣчалъ крестьянинъ. «А можно ли па нее сѣсть?» Какъ завгодно будетъ Вашему Высочеству. «Что же она неупадетъ подомною?» полушутя добавилъ Великій Князь, принимая въ тоже время, поводья изъ рукъ крестьянина. Немогу звать, Ваше Высочество, отвѣчалъ крестьянинъ низко кланаясь. При этомъ Его Высочество, съ особенною ловкостію изволили сѣсть на лошадь просто осѣдланную и, при немаломъ удивленіи, довольно шибко проѣхалъ чрезъ весь мостъ; послѣ чего наградивъ хозяина лошади 3 р. сер., Великій Князь пошелъ снова пѣшкомъ вдоль сельской площади, милостиво разговаривая, съ толпившимися вокругъ Него крестьянами.

Въ ожиданіи прибытія экипажа, опоздавшаго, послушаю какойто поправки, В. Князь, продолжая ходить по площади, подозвалъ между тѣмъ, къ себѣ мѣстнаго сельскаго учителя чиновника ч. и болѣе 15-ти минутъ милостиво съ нимъ разговаривалъ. При чемъ изволили распрашивать: чье это имѣніе? Гдѣ живутъ владѣльцы? и наконецъ узнавъ, что здѣсь есть сельское училище, пожелалъ посѣтить его. Было уже половина девятаго часа по полудни, а потому учениковъ въ классѣ, кромѣ одного дежурнаго, небыло.

*) Нелишено интереса и то, что Д. Ж. неимѣлъ даже па этотъ случай въ домѣ печенаго хлѣба и едва досталъ въ сосѣдней избѣ.

Посѣтивъ однако училищную комнату, Его Высочество, изволилъ сдѣлать, нѣсколько замѣчаній, относительно разстановки скамей и помѣщенія портрета Государя Императора, и при этомъ выразилъ сожалѣніе, что въ нашемъ селѣ нѣтъ женской школы. Удобность помѣщенія, приличная школьная обстановка, замѣтная во всемъ аккуратность, видимо произвели на Великаго Князя пріятное впечатлѣніе. *)

Вышедъ изъ училища, Великій Князь, въ сопровожденіи своей свиты и множества любопытныхъ, изволилъ пройти пѣшкомъ чрезъ все село до самыхъ полей и здѣсь только Его Высочество изволилъ милостиво откланяться, сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ въ м. Карловку, имѣніе Великой Княгини Елены Павловны. **)

Долго послѣ этого стоялъ собравшійся народъ, провожая взорами удалившагося Царственного Высокаго Гости и, уже очень поздно разбрелся подомамъ.

Прошло уже два года, съ того времени, какъ Великій Князь Алексій Александровичъ, благоволилъ осчастливить всемилостивымъ вниманіемъ и нашъ скромный уголокъ, а воспоминанія объ этомъ, почти минутномъ счастіи еще до сихъ поръ такъ свѣжи въ устахъ и памяти народа, что нельзя не порадоваться столь безпре-

*) Посѣщеніе училища Его Высочествомъ на другой день было записано въ журналъ въ слѣдующемъ видѣ: 1867 года, Мая 26 дня, въ 35 минутъ девятаго часа пополудни, Его Императорское Высочество, Великій Князь Алексій Александровичъ, ознаменовалъ Чутовское сельское училище своимъ высокимъ посѣщеніемъ; причѣмъ сожалѣлъ, что въ с. Чутовомъ еще до сихъ поръ неоткрыто училище для крестьянскихъ дѣвочекъ.

*) Разстояніе между с. Чутово и м. Карловкою, какъ потранспортной дорогѣ опредѣлить съ точностію нельзя, полагають же неменѣе 25 верстъ. Его Высочество, отѣхавши отъ Чутово не болѣе 15 вер., какъ передавали ямщики везшіе Великаго Князя, изволилъ снова вытти изъ экипажа, и едва не досамоу Карловки, шель пѣшкомъ, чему очень способствовала обаятельная пріятность майской ночи, освѣщенной луною.

дѣльной любви къ Царственному Семейству, какая во
всѣ времена отличала, а теперь въ особенности отлича-
еть нашъ русскій народъ.

Священникъ Григорій Коломинскій.

4 Июля 1869 года

с. Чутово.

Поправка Въ неофициальной части № 14 на стр. 384

подпись священника должно читать: **Григорій Шкляре-
вскій.**

**Содержаніе: I. Слово въ день успенія Божіей
Матери II. Рѣчь Архимандрита Хрисаца. III. въ с.
Чуговомъ (Полтав. уѣзда).**

Редакторъ Архимандритъ Поліевктъ.

Печатать дозволяется 1869 года Сентября 1 дня. Цензоръ *Прот. Катрановъ*.
Полтава. Въ типографіи Пигуренко.